

1.13 О возникновении образа. Морозный узор на окне

Воз-никновение образа в мире, внутри которого явил Себя Бог. Возможен ли человек участвовать в этом воз-никновении вне Бога, помимо Бога... Словно бы иней – ложится на окно чудесная узорная вязь морозного утра. Так покрывает окружающий нас, видимый нами мир возникающий образ, образ про-изведённый в видимое пространство только ли нашим сознанием, нашей фантазией, отзывчивостью нашей души в со-работничестве с красотой Божьего мира... Это ли благодатный дар со-работничества, сотрудничества нашей души с Богом... И мы смотрим на обновлённый перед нами мир, имея в себе эту свежую миро-воззренческую точку, грань, личное религиозное credo, вос-торженное из обстоятельной обыденности. В этой единственно верной точке воз-зрения видимый нами мир обретает, словно бы стереоскопический, духовный объём. Весь окружающий нас мир – созерцаем сквозь окно этой дивной духовной, дарованной, Боговдохновенной, Богозданной – вязи. Нами ли создана эта вязь, этот узор, наше ли – духовное наполнение, о-смысление этого мира, как некая эманация, как про-явление Бога в нём. Наша ли сама возможность настроиться на восприятие этого про-явления. Мы ли - со-участники этого про-явления, со-зерцатели – со-отражающие тварный мир в себе вместе с Богом? Мы ли – только лишь пассивные зрители про-исходящего перед нами и по-мимо нас...

Воз-никает образ... Нечто постороннее между сотворённым миром и человеком? Нечто искусственно про-явленное в человеческой неуугомонно блудящей, самолюбивой фантазии? Нечто, дивное, склонное к удивлению – свойство наше, дарованное Богом к истинному восприятию Его? К при-украшению гроба повапленного и без-образного? Не несёт мир на себе образа, как и не нёс никогда от сотворения. Образ наделяется миру через

человека. Посредник ли, пассивный медиум человек в этом наделении мира образом? Сотрудник ли Божий? Видится, что именно со-трудничества, со-работничества Себе ждёт от нас Бог, оставив каждого из нас, живущих, как образ – оставив наместником царственным, священником царственным – священнодействовать, тайно-образовывать в себе и мире – творить образы перед Богом. Не погребём, не сокроем, не умертвим в себе, в суетных делах скудельных – не зароем этого дара.

Мир и человек перед Богом. Образ – как некая вязь, морозный узор на окне, через который мы вглядываемся, всматриваемся в этот мир, выискивая, выявляя для себя Божье со-присутствие нам. И видим уже не скрюченные деревья, не унылые здания, не пустынные аллеи, бедную природу нищих селений... но весёлую и светлую образную картину, восстающую между миром и мной, со-глашающую меня и мир в этом образном проявлении, дозволяющую мне со-существовать с миром лишь в присутствии Бога над этим существованием и внутри его... Лишь Богом одним обусловлена сама возможность дальнейшего пребывания здесь. словно бы узор на окне... Нет, образ – не продукт моих фантазий, не продукт искусственных во-ображений, рефлексирующих со-ображений с собою самим, ложных про-явлений, мнимых и со-мнительных эманаций человеческого естества... Образ и наше свойство к со-творению его – это Божий дар, - не смеем воспринять дар недостойно, не благоговейно, остерегаемся, боимся опорочить, о-пошлить, смешать с личной греховностью, наделить собственным тленом этот дар, это на-путствие к жизни вечной. Не смеем помыслить, что свойство творения – наше, только наше имущество, не имеющее к Подателю благ никакого отношения – только наше, только моё, дающее права собственного без-оглядного распоряжения им. Не смеем и отвергнуть этот дар от себя, не воспринять его, извергнуть воспринятое из нутра - не смеем. Нижайшим падением человеческого естества, не прощаемая хула на Духа – отвержение Даров Бога, - «тело, Христово тело выплёвываю изо рта...» - мог ли ниже пасть человек, могла ли боль о падении, о самоосквернении человека прозвучать острее... Не может человек понести своего без-образия, не болезнует в нём, не вопия в пустоту свою и внешнюю - о глубокой болезни. Болезнующий безобразием человек, мучимый в утрате образа – неутешен, словно бы Каин, мятущийся, стенающий, трясущийся в этом пустынном для него мире. Бусть и бродит он «от квартала к кварталу, от церкви к церкви, переставляя по площадям ботинки, как иголка, шаркает по пластинке, забывая остановиться в центре...» неутешно его сердце непросветна, безрадостна его душа, исчадие – угасший дух, без-образен его ум. Без – образен от сам, словно бы труп во гробе «безславен и безобразен...». Внутри Господней славы – бесславен, пред образом Господним – безобразен образ его жизни, путь его жизни неутешителен... Бродящий человек от произведения искусства к произведению, от готического собора к собору православному, от пагоды к минарету... датсану... от жены к жене... от ближнего к чуждому... переставляя свои ботинки по чуждым площадям – пустыням под небом пустым неотчетным... Устрашающе звучит этот вопль без-образного существования, безцельного, неисцельного блуждания в именитом поэте.

Глумление над даром, сокрывание его, использование его не по назначению – не достойно человека, не пристойно человеку, не свойственно человеческой природе., образотворцу по Богоданному природному своему естеству. Узор на окне морозный... Свам Христос – Живописец его, Творец всяческих – позволяет нам сквозь этот узор видеть мир, позволяет, предлагает перед нами, но не обязывает... Дозволяет нам утешиться этим

воспринимаемым чувственным благо-лепием. Узор собственно - красоты, узор нашего восприятия этой красоты... Образ, как свойство – воспринимать, свойство благодарить, свойство Любить Бога и в неявных, гадательных - про-явлениях Его. Любить Бога и безо всяческих про-явлений... любить мир – не сам по себе, но как чудо творения, про-изведения Господнего. Любить ближнего, как образ Божий... как самого себя, - не больше, но и не меньше.

Творчество – заповедано нам, - не отринем этой заповеди. Как же и что же творить, как – вылепить нашим рукам образ Бога в мире, не несущем Бога в себе. Как вылепить Бога, не стяжав личного уподобления Ему, не открыв этот образ из под греховной патины в себе самом. Возможно ли это? Едва ли. Всё более замутнён образ – всё более явственны сомнения: может ли про-изойти из него что-либо светлое. Вот и обращаемся теперь ко творениям, про-изведённым некогда людьми куда как чище нас, - веруем в это и утверждаемся в вере, имея перед собою образы, про-явления их жизни, запечатлённые ими... Веруем так и при-никаем к образам, сотворённым не для нашей ли веры. Общее молитвенное литургическое делание пред очами Господними, у ног Его, в руках Его производимое, безусловно, рождало общее Боговидение, Боговосприятие, сотканное из множества Боговосприятий частных, глубоко личных, едино-образных во Христе. И если мы теперь только догадываемся об этом, то, представляем, некогда художник – образотворец со своим личным Боговидением и личным образо-творением Бога, если бы не со-ответствовал общему, соборному пониманию, общему видению... не был бы мастер воспринят со-обществом близких своих со-молитвенников. Да и мог ли уединённый во глубинах личной экзистенции мастер творить что – либо не согласное общей молитвенной симфоничности собора ближних во Христе... заказчиков ли, ктиторов, благочестивых прихожан. Попробуй-ка нынче мастер средней руки написать что-либо не соответствующее духу и настроению общины. Написать и пред-ставить к общему молитвенному восприятию. Если не со-ответствует это пред-ставление общему пониманию – будет отвергнут образ. «Не похож...» - вульгарно, но точно сможем услышать из уст предстоящего соборного лика. «Не отзывается» - выскажет кто-либо вполне деликатно. «Чужд...» - как отрежет отошедший не поставив свечу, уединившийся в себя молитвенник, обращаясь ко Господу не взирая на этот лик... Впрочем, наше время едва ли несёт в себе какие – либо внятные и определённые критерии «правильности» написания и иконной достоверности образа, - вот и не будем их искать теперь. Обратимся ко критериям выверенным и проверенным, выкристаллизованных для нас, вычищенных в тигле времени и чудно открывшихся нам... Вернёмся к образотворчеству Феофана Грека, несомненно отвечает оно общему восприятию образа, отвечает соборной жажде ко Христу Богу, со - отвечает самым взыскательным проявлениям этой жажды о Господе. Можно ли иначе объяснить само дерзновение мастера Феофана перед Богом в самом со-творении образов, актуальных и поныне, воспламеняющих отзывчивость в наших тусклых верою, о-скорбленных душах.

Вязью морозною на окне – проступает пред нами красота. Наше чувство, наши очи касаются её, наши руки приникают к ней, оставляя свои следы на этой вычурной, тонкой, чудесной вязи, - время извергнет видимое, - истаёт узор этот и следы наших рук на нём. Но вот теперь – мы, тёплые и живущие ныне – вглядываемся в этот мир сквозь ниспосланный, дарованный нам образ и запечатлеваем в себе наше восприятие его, наше

откровение образа, отражение открывшегося образа - в себе. Откровение образа Божьего образа нам - запечатлеваем в себе робким усилием памяти сердечной, робким и тёплым, мерцающим словом.

Образное Боговидение, как от-ражение вззрения Бога на человека, как вызванное этим взиранием Бога сущностное восприятие человеком, мастером Феофаном, Бога, - вот, что запечатлено в этих монументальнейших изображениях. Отнюдь не некое экзистенциальное пере-живание, преодоление жизненного личного опыта без изменения человеческого естества, внешняя впечатлённость и рефлексирующее про-изведение... Сущностное восприятие Бога не отрывное от практики общего соборного восприятия Бога со-молитвенниками – проникает во глубину собора со-молящихся восприемников Христа, проникая во все составы, во утробу, в самое сердце каждого, изменяя всецело, обоживая человека. Проникновение Бога в мир настолько глубокое, что позволяет и Феофану и со-молитвенникам, проникаясь Богом, взаимно проникать в Бога, со-творяя с Ним эти образы, как свидетельства, совсем не обязательные запечатления этого проникновения. Повторимся, проникновение в Бога может и не иметь некоего образа, может имея образ – не отобразить его во вне, может и запечатлеть образные отражения. В данном случае перед нами пример последнего: образы обожения запечатлены средствами живописания.

Один и Тот же Христос в веке 14 и 21-м. Тот же Христос перед нами, посреди нас, и в нас самих, причащающихся Его. Тот же образ Бога Христа в нас, замутнённый, покрытый наслоениями грехов. Нам, изменённым, – сложнее проникнуть в Неизменного Христа. Христу – сложнее приникнуть к нам, приблизиться к нам, отгораживающимся от Него, разоблачившими себя от брачной одежды ризы Христовой в кожи звериные... Бог не хочет видеть отворачивающихся от Него людей, от-вращённых от Бога, из-вращённых от пути к Нему. А возможной для человеческого естества глубине проникновения к Богу и восприятию Бога – свидетельствует нам Феофан, не стыдясь ничего, не утаивая от нас никаких нюансов своих личных высот проникновения в Бога, понимания, вос-приятия Христа, о-божения своего... - не усомнимся и позволим себе это слово. О чём же ещё свидетельствует нам Феофан в живописи исихастерия, как не о личном о-божении. Скептик внешний воскликнет, - как не воскликнуть гласу чуждому, - о фантазиях, о творческих исканиях мастера, о разделении творчества и человеческого естества, о невоссоединимом, непреодолимом разделении, о сущностном от-чуждении человека и Бога. Как не воскликнуть льстивому гласу, отвращающему... Следующими – последуют шипения о бытии не-зависимом на равных со Творцом, яко бози... Так прошипит древний скептик, созерцатель внешний и прельститель злой, враг беспощадный, не имеющий в себе любви... Не станем же противоречить, воинственно полемизировать со скептиком от-странённым вблизи образа, вблизи двери распахнутой нам, - не отвлечёмся пустотою и шагнём во глубину откровенную... Без-плодна, отвратительна от насущного эта полемика, увы. Да не отвлечёмся пустотою. Возгнушаемся врагом Господним по мудрому призыву святителя Филарета.

Духовная, Духоносная, почти за-предельная земному и обыденному живопись Феофана – согласна с видением и восприятием его современников, соборных со-молитвенников... не повелевших замазать, убрать со с тен, к примеру и в назидание, бестелесный при-зрачный, за-очный образ святого Макария, написать его более внятно, о-пределенно, о-формленно, - написать облачения и прочее подобающее человеку... Не повелели строгие со-временники Феофана наделить лики святых зрачками телесных очей,

воспринимающих образы видимые... Нет, дозволено Феофану образы, как он воочию и сердечно – созерцал их. Не расходилось личное опытное видение мастера с опытом и практикой образного Боговидения, Боговосприятия собора молящихся. Мастер живописал образов небесных высот, которые достигал лично, отнюдь не фантазируя, не измышляя о них, - в несомненном со-пребывании с единомысленным, едино-устным, едино-душным, едино-сердечным во Христе народом Божиим. С народом, усвоившим себе Христа в общем с мастером литургическом делании, с народом, усвоенным Господом и Спасителем. Народ божий, со-беседовал с мастером, со-постничал с ним, со-участвовал в общей молитве, со-бытийствовал с Феофаном по чинам святости и быта и, как знать, не обсуждал ли запросто с художником случайно подошедший брат во Христе самых изысканных духовных нюансов иконологии создаваемых образов. Имело ли какое-то значение при общности во Христе принадлежность братьев к различным от художества - чинам земных достоинств: воинскому ли деланию, княжескому, ремесленному, купеческому, чёрному деланию светлого христианства на земле. Все вне чинов – под-чинённо собирались в Знаменский храм, участвуя в пре-ображенской литургии под чутким при-зором Вседержителя. Можно ли допустить, хотя бы допустить – некую фантазийность в образных проявлениях живописца, в про-явлениях того, что лично не вос-принимал, не переживал, не испытывал в себе, не ис-поведывал из себя пред ликом Христа мастер образотворец... Допустимо ли помыслить подобное, будто бы бы образы Феофана – есть плоды изошрённой фантазии, помноженной мастерством, есть плоды от-влечённых мудрований, вычитанных, под-черпнутых их духовных книг, не поверенных практикою сердечной... есть плоды всяческих перво-образо, вычитанных в Писании, услышанных в литургическом писании, вынесенных из учёных разговоров с современниками, с заказчиком, мудрецами века сего. Уже ли безо всяческого личного опыта во Христе мог бвть выдуман и про-изведён этот образ. Позже – изменены мысли, - что же может быть подвижнее, переменчивее мысли – белки юркой... произведена пере-оценка ценностей, пересмотрен творческий подход, освоена иная творческая манера, испробован свежий оригинальный пошиб нового живописания Бога... В этом про-явлении мастера – только некий временный творческий этап, формирование личной творческой позиции, творческих исканий в безграничной свободе творчества, проявленной сегодня вот так... кгда творец имеет право разделить себя и про-явление своих творений: творение – вовсе не я сам, моё я – вовсе не образ. Образ во мне и образ сотворённый – явления совершенно разных порядков, различных природ... Позволим ли себе подобное рассуждение. Подобное рассуждение возводит в ничто высоту, очерняют небеса зло-пыхательством пред ними... затемняют высоты, замутняют глубины и затемняют солнце, из-влекают образ Божий из человека...Что в этих рассуждениях, кроме постороннего шипа от недоброго, чуждого взгляда... что в этом, как ни само-надеянный, завистливый вопль врага рода человеческого, врага Божьего, опошливающего всяческие проявления Бога среди нас и в нас самих. Не поведёмся на этот чуждый глас. Воспримем образ так, как воспринять его искренне желаем сами... воспримем его так, как отзывается ему образ Божий в нас, отзывается с радостью, с благоговением, с умиленным со-чувствием ему. Образ, начертанный и раскрытый перед нами, как про-явление образа Бога в человеке Феофане, образа дарованного Богом Феофану, отзывается человеку созерцающему, встретившим проявление со-образия своего. Так – воспримем эти дивные творения Феофана и не убоимся, ниже смутимся, не усраимся этого восприятия, не устыдимся его, доверимся ему, живописанному и живому образу – от Бога живого – через жившего среди людей человека. Вос-примем образ пре-поданный нам, от Боа через орган

человеческого естества, через осенённую благодатно десницу изографа, державшую творческую кисть... через сердце изографа, вместившее Творца в свои глубины, отозвавшееся Христу. Проявила сердечная бездна мастера отклик Спасителю, проявила сотворением чуда, образа, дошедшего к нам. Вос-хитимся этим чудом, вос-примем его себе, как дар, умилимся дарованному, не отвергнем его, удостоимся у-досто-веримся им в невидимом. Не по достоинству нашему, - во славу Господа.

За мутным окном: гадай ни гадай, гляди ни гляди... -
Зима ни зима, - туманится взор от мороси склизкой.
Без-образный шум объял, обступил, неистово близкий, -
Мою тишину наполнил собой... и пошло смердит.
Без-видна тоска, - кричу из неё: всели Ся,... приди!..
Утешитель дождь в луче фонаря из тученьки низкой –
Поблескивает за мутным окном наядой балтийской
И ширится сон унылый, пустой в безмолвной груди.

Наутро – мороз. Меж миром и мной – узорные ветви.
Всё тем же очам – на мутном стекле – что райские кущи, -
Дышу прямо в них, раздвинув рукой прекрасную вязь.
И свет, словно снег, неистово бел и чист, и приветлив.
Пурпурный Снегирь по сучьям берёз резвиться отпущен.
И радость – впорхнув иконой своей - откуда взялась.